

РОССИЯ И МИР: КОНТУРЫ ТРЕВОЖНОГО БУДУЩЕГО

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬИ Губернаторские чтения

Тюмень, 16 декабря 2015 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — доцент МГИМО(У) МИД России, полковник Службы внешней разведки РФ в отставке **А.О.Безруков**.

Ключевые слова: цикл развития, кризис, мировой порядок, управление будущим, Россия

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Мир меняется на наших глазах, и меняется стремительно. Водоворот событий уносит то, что еще недавно казалось неизблемым. Взамен рождается нечто новое, еще небывалое. То, чему в нашем политическом и экономическом языке и названия-то нет. Как сориентироваться в этом бурном потоке? Как увидеть свое место в новой структуре мировых взаимодействий? Ведь в том и состоит замысел «Губернаторских чтений»: они учат нас рассматривать Тюменскую область как важный элемент глобальной мозаики. Тем самым они помогают нам с уверенностью смотреть в будущее, различать его контуры и реагировать на его вызовы.

О мозаике будущего и пойдет речь сегодня. Лекция будет необычной. Наш гость — Андрей Олегович Безруков, доцент МГИМО, член Совета по внешней и оборонной политике, полковник Службы внешней разведки. В отставке; но отставка эта совсем недавняя. Помните, пять лет назад между Россией и Америкой состоялся крупный обмен обвиняемыми в разведывательной деятельности? Одним из участников этого обмена и был Андрей Олегович. А до того он долгие годы провел на нелегальной разведывательной работе за пределами России. В основном в США, где был известен как Дональд Ховард Хитфилд — обладатель университетских дипломов Торонто, Парижа и Гарварда, владелец и руководитель крупной консалтинговой компании, специализирующейся на правительственных и корпоративных системах стратегического прогнозирования и планирования. Между прочим, называлась эта компания «Карта будущего»... Думаю, понятно: его жизненный и профессиональный опыт уникален, его взгляд на актуальные мировые проблемы и современное положение России бесценен. Он готов поделиться с нами этим опытом и этим взглядом. Давайте прислушаемся.

Святослав Игоревич, теперь ваше введение в предстоящую дискуссию.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

Каждые Чтения предлагают новую точку зрения на события, происходящие в стране и мире. Обычно мы можем хотя бы примерно эту точку зрения вообразить, отождествиться с ней. Вот академик, вот консультант-практик, вот экономгеограф, вот банкир, вот политтехнолог, вот писатель... — приблизительно понятно, как они смотрят на вещи. Сегодня будет по-другому. Нам будет представлена такая точка зрения — или точка обзора, — что виды, открывающиеся с нее, трудно представить себе а priori. Почти невозможно. Кто из нас способен сказать, что видит и что думает об увиденном канатоходец, идущий по натянутой над пропастью проволоке?

Уникальность точки зрения нашего сегодняшнего лектора повлекла за собой разовое изменение формата Чтений — за лекцией сразу же последуют вопросы и дискуссия, содокладов не будет. Уж очень трудно найти таких содокладчиков, которые бы смогли гармонизировать с ней свои выступления. То есть нельзя совсем исключить, что такой «содокладчик» среди нас есть, только глубоко законспирированный... Ну так вряд ли он себя раскроет!

(Смех в зале)

А.О.Безруков

Я много занимался вопросами управления будущим. Принятие ответственных решений требует четкого понимания того, как меняется мир — и как он меняет нас. Будучи офицером нелегальной разведки, я провел за рубежом 24 года — большую часть своей активной жизни — и вернулся другим человеком в совершенно другую страну. Поэтому соотношение прошлого и будущего для меня играет особую роль.

Между прочим, когда меня пригласили в Тюмень на лекцию, я вспомнил, что мои предки обосновались в этом городе еще во времена Ермака. На рубеже XIX—XX вв. на улице Царской в доме 17 жила моя прабабушка Павла Петровна Воробейчикова, выдающаяся женщина, входившая в число крупнейших предпринимателей Сибири. А происходила она из рода Гилевых, знаменитых колокольных мастеров и заводчиков. В 1905 г. на всемирной выставке Гилевы получили золотую медаль за лучшие колокола, и они до сих пор висят по всей России. Завтра я поеду в музей тюменского купечества «Дом Машарова», где сохранились вещи прабабушки, и прикоснусь к тому, чем в прошлом жила моя семья...

Однако история зачастую приносит непредсказуемые события не только отдельным людям, но и целым государствам. Ее ход может идти размеренно — и вдруг понестись вскачь. Задумаемся: какой была Россия 100 лет назад, в 1914 г. — и какой стала уже через пять лет, в 1919 г.? Это была другая страна. Сейчас мы живем в похожее время.

Давайте хотя бы попытаемся понять направление движения истории и оценить, какими возможностями в этой истории располагает

наша страна. Будущее отчасти предопределено географией, демографическими трендами и т.п., но многие его элементы предсказать значительно сложнее. Между «возможным» и «принципиально невозможным» лежит «коридор возможностей», который мы сегодня попытаемся обозначить. О том, что в четких деталях будущее увидеть нельзя, говорит, например, недавний случай с Су-24. Его никак нельзя было предсказать (хотя и можно было, так сказать, «помыслить»). Поэтому к будущему следует непрерывно готовиться, принимая правильные решения, тщательно продумывая, проговаривая «как», «почему», «когда», «с кем»... Это называется стратегическим диалогом, представляющим собой как бы генеральную репетицию будущего. Кстати, президент Путин в своих статьях 2011 г. назвал стратегический диалог о будущих вызовах одним из приоритетов внутренней политики.

Но мы живем не только в эпоху скачкообразных исторических перемен. Сегодня происходит сдвиг сразу нескольких глобальных парадигм, одновременно разворачиваются сразу три международных кризиса.

Первый кризис — экономический. Закончился цикл развития, начавшийся еще в 1930-е годы. Он принес нам атомную бомбу, современную энергетику, компьютеры... Полученные в его ходе технологии распространились повсеместно, стали доступны всем — и развиваться перестали. А следующий цикл развития еще не развернулся в полном объеме, поэтому для поддержания заданных ранее темпов роста уже нет средств. Правительственных фондов элементарно перестало хватать для поддержания темпов развития. И внутри стран, и между ними обостряется борьба за ресурсы и финансы, ставшие дефицитными. Что может быть страшнее «голодного» правительства?

«Вашингтонский консенсус», лежавший в основе предыдущего цикла, себя исчерпал. США, бывшие ранее финансовым «мотором развития», ослабевают; инициированная ими глобализация сворачивается, причем по их же инициативе. Центр производства, вообще экономической жизни все более явно сдвигается из Атлантического региона в Тихоокеанский.

Второй кризис — эрозия международного порядка, закрепленного ООН и «холодной войной». Сегодня он растворяется, слабеет, созданные им глобальные системы и институты теряют значимость. Страны, ранее находившиеся на периферии (Индия, Индонезия, Бразилия и др.), становятся независимыми, полноправными экономическими и политическими игроками. Система международного права, таким образом, выхолащивается, поскольку ее задачей являлось сохранение прежней системы. Но это невозможно.

Важно, что меняется и чисто военный баланс. Если вы помните, в 1982 г. произошла Фолклендская война, когда Аргентина высадила на острова десант и объявила их своей исторической территорией. Британская королева послала туда флот, аргентинцев выбили, война быстро закончилась. Что будет, если нечто подобное произойдет сегодня? Между Китаем, Японией и Кореей, например, имеются спорные островные

территории, из-за которых они периодически ругаются. Представим себе, например, что Гонконг все еще остается британским, а, скажем, Южная Корея в силу каких-то причин решила его захватить. Так вот, в таком случае, если бы англичане попытались действовать по фолклендскому сценарию, британский флот был бы с треском разбит. Просто потому, что он сейчас объективно слабее южнокорейского — и по боевому потенциалу, и по технологическому.

Еще одна характеристика меняющегося мира — дефицит идей, дефицит лидерства. Есть ли сегодня тот, кто способен предложить понятную всему миру программу развития? Нет. Когда контуры нового цикла оформятся, такие люди появятся. Но сейчас их нет, и это очень ощутимо.

Третий масштабный кризис — социальный. Поскольку экономика работает не так эффективно, как раньше, у правительств истощается денежный ресурс. Государство всеобщего благосостояния питалось от непрерывного, беспрецедентного экономического роста. Сейчас, в условиях экономического кризиса, с социальными проблемами так просто не справиться.

Средний класс западных стран постепенно нищает. Молодежь уже сейчас живет заметно хуже, чем их родители, и пессимистичнее смотрит на будущее. Нет и не будет таких же возможностей трудоустройства, нет и не будет сравнимой пенсии, на которую еще недавно можно было до 70—80 лет ездить по всему миру. В незападных странах средний класс, наоборот, поднимается, читает газеты, выходит в интернет — и требует все больше прав, в том числе прав на потребление. Видя западную жизнь, привыкнув за несколько десятилетий к бурному росту, в современной ситуации он чувствует себя очень некомфортно. До такой степени, что готов выйти на улицу. Тем более что богатые, напротив, богатеют.

Как и сегодня, до 1914 г. в западных странах примерно 80% национального богатства владел примерно 1% населения. Однако после 1914 г. прошли две войны, между которыми случилась Великая депрессия. «Капитал» был разбит, произошло его радикальное перераспределение. Пропорция изменилась — упомянутому 1% населения осталось только 40%, а кое-где и 25%. Теперь все вернулось на круги своя. Ждет ли нас очередная волна потрясений? Неизвестно; но ситуация середины XX в. была менее взрывоопасной. Кстати, надо помнить, что в США, когда страна остро нуждалась в деньгах, богачи платили 80—90% прогрессивного налога! Плакали, но платили.

Но есть одно важное отличие от положения дел столетней давности. Тогда такое распределение богатства никого особенно не беспокоило. Капиталисты, буржуа жили в значительном удалении от основной массы населения, прежде всего информационном. Теперь не так, и потому вероятность социального взрыва, который может приобрести глобальные масштабы, гораздо выше. У каждого второго пацана, живущего в глинобитной хижине где-нибудь в Африке, есть смартфон, в котором

он видит своих сверстников из Нью-Йорка или Лондона, гонящихся на дорогих машинах. Поэтому он и пытается любой ценой прорваться на Запад, даже рискуя погибнуть по дороге. И то, что мы видим сейчас, только начало. Если этот процесс попытаться остановить силой, то люди из бедных стран возьмется за «калашниковы» (они еще проще смартфонов). Кризис с ближневосточными беженцами — прямой результат игнорирования мировыми элитами потребностей и чаяний подрастающих по всему миру поколений.

Каким будет мир 2020 г.? Это зависит от того, как время ответит на 10 главных вопросов.

1. Выйдет ли снова глобальная экономика на путь устойчивого роста или будет продолжать топтаться на месте? И как тогда жить дальше? Как в этом «медленном мире», в котором, кстати сказать, не жил почти никто из ныне живущих, и навыки жизни в нем утрачены, перераспределять уменьшающиеся доходы?
2. Останется ли ЕС внутренне неоднородным конгломератом, неэффективным игроком под сильным влиянием США или все же консолидируется в организацию с собственным голосом?
3. Изберут ли США курс на выстраивание нового баланса сил в изменившемся мире либо будут продолжать политику подавления своих конкурентов? Грубо говоря, поймут ли они, что возглавить объективные процессы выгоднее, чем сопротивляться им?
4. Сможет ли Украина построить жизнеспособное, здоровое государство, или ее ждет продолжение гражданской войны и окончательный развал на зоны влияния?
5. Спровоцируют ли Россию на дальнейшую эскалацию военных действий на Ближнем Востоке, или ей удастся вернуться в мирный режим существования? Упомянутый случай с Су-24 хорошо демонстрирует, как это бывает — втягивают, одобряют, а потом подставляют. Примерно так, как было в 1941 г.
6. Удается ли Китаю найти новое равновесие в условиях замедления темпов развития (и какой ценой), или страну ждет период внутренней и региональной нестабильности?
7. Пойдет ли исламский мир по пути дальнейшей дестабилизации или найдет формулу, которая приведет его к успокоению и возрождению? Один из самых важных и самых трудных вопросов.
8. США и Китай, два слона в одной посудной лавке, смогут ли они помириться и договориться? Вообще-то в истории еще не было такого, чтобы против гегемона кто-то поднялся — и дело обошлось бы без серьезной потасовки. Правда, сейчас есть ядерное оружие, это сдерживающий фактор.
9. Станут ли реальностью Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнерства? Обретут ли подлинную силу БРИКС и ШОС?
10. Охватит ли Евразийская зона свободной торговли только пять — или целый десяток стран, включая Турцию, Иран, Азербайджан, Украину и Центральную Азию? Выстроит ли тем самым Россия во-

круг себя такую систему взаимодействий, которая даст ей достаточно критической массы для развития?

Вот чем определится картина мира ближайшего будущего. Теперь — об отдельных ее фрагментах.

Начну с США, страны, которую я знаю довольно хорошо и которая до сих пор (хотя и, возможно, несколько слабее, чем 10 лет назад) оказывает определяющее влияние на остальной мир. У американцев все неплохо. США стали практически полностью энергонезависимыми, хотя не так давно тревожно вопрошали: «Что же с нами будет, если нам перекроют нефтяной кран?». Поэтому они, например, так рьяно защищали Саудовскую Аравию. Теперь им на нее просто плевать, она из союзника превратилась в конкурента. Кроме того, промышленный бизнес, недавно уходивший из США (в основном в Китай), сейчас возвращается: началась реиндустриализация Америки, возникают новые рабочие места... Одновременно происходят структурные сдвиги, прежде всего в сторону биоинженерии как одного из ключевых элементов нового технологического цикла. Вообще, здоровье человека — одно из тех направлений, которые точно выживут в «медленном мире». Да, у человека будет не три автомобиля, а только один. Но у него будут новые органы, большая продолжительность жизни...

Однако деградация среднего класса идет и в США, это создает серьезное напряжение. К слову, если бы существовала наука, которая могла бы точно и своевременно определять малейшие изменения общественного сознания, с ее помощью можно было бы предсказывать любые катаклизмы. Будучи еще совсем молодым разведчиком, я проезжал через Югославию — еще перед гражданской войной — и буквально чувствовал, что война разлита в воздухе. Война уже была в глазах людей, а вскоре она началась и в реальности. Так вот, Голливуд, который снимает, следуя за вкусами аудитории, и именно потому является прекрасным индикатором массовых настроений, в последние годы снимает об одном и том же — о страшных кризисах, о том, как всем будет плохо, как все будет гореть и рушиться... Кто-нибудь видел фильм «Голодные игры: Сойка-пересмешница»?

Ответ из зала

Да, это целая трилогия. По сюжету мир будущего поделен на 12 дистриктов, в каждом из которых своя столица и свое тираническое правительство — узкая элита против огромной нищей массы. Если говорить в общем, то это тоталитарное государство...

А.О.Безруков

Именно! И это единственный режим, который возможен, когда 80% благосостояния в руках 1% населения. Хотя современная политика еще называется демократической, она выхолащивается с каждым годом. Массовое сознание уже чувствует, что за процедурами голосования скрываются манипуляции, что демократии как таковой уже нет.

На фоне и по причине ослабления среднего класса фактически меняется политический режим. Посмотрите: в президентской гонке первое место занимает Дональд Трамп, который кроме себя и собственной личности никого и ничего не представляет. То есть народ, возжелавший хлеба и зрелищ и забывший, что такое подлинная демократия, просто захотел посмотреть на «реального мужика», иногда режущего правду-матку. Хиллари Клинтон, напротив, никогда не скажет ничего такого, что расходилось бы с советами ее консультантов и мнением избирателей. У нее нет собственного голоса, собственного мнения. Впрочем, демократы и республиканцы воюют между собой и еще долго будут сидеть в тех же траншеях — десяток лет как минимум. Предполагаю, что избранный в следующем году президент окажется слабым и, не исключено, отработает всего один срок. Потому что с действительно серьезными вызовами США столкнутся лет через пять-семь, не раньше. Вот тогда появится президент, подобный Рузвельту, который сможет перестроить страну под новый цикл мирового развития. Пока же США просто не готовы к этому. Для них до сих пор остаются актуальными многие решения (в том числе по поводу России), принятые еще в период холодной войны. Америка летит на автопилоте.

Американский «автопилот» уже серьезно навредил Западу в целом, прежде всего Европе. За три года были разрушены и дискредитированы ее основные институты. МВФ фактически перестал работать (посмотрите на то, что он делает с Украиной), НАТО переключилось на авантюры, Гаагский суд принимает политические решения... Но финансовых, политических и военных возможностей Америки уже не хватает, чтобы добиваться таких мощных результатов, как прежде. Поэтому оказался логичным (особенно после войны в Ираке) переход Штатов от роли «глобального полицейского» к роли «глобального манипулятора». Именно поэтому они нас сталкивают то с Украиной, то с Турцией, пытаются противопоставить то Китаю, то Индии, то Норвегии...

Что происходит в самой Европе? Все очень просто. Европейская модель работала хорошо, когда были деньги. Политики собирались в Брюсселе и решали, как честно и к общему удовлетворению распределить их бурлящий поток. Но сейчас, например, британцы начинают вообще отходить в сторону, немцам все труднее продавать свою промышленную продукцию... О менее успешных, менее трудолюбивых странах я уж и не говорю. А брюссельская бюрократия по-настоящему прогнила, безо всякого преувеличения! Ее прежнее поколение, состоявшее, по крайней мере, из реальных политиков с реальным политическим опытом, сменяется бюрократами от рождения, которым ничего не нужно и которые ничего не умеют, кроме как следовать написанному в конторских книгах и регламентах. Кризис европейского управления все более очевиден.

Какой же будет «Европа 2.0»? Главный вопрос: сохранится ли она в нынешней целостности, или от нее останется только ядро, окружен-

ное «хорой», как сказали бы древние греки? Очевидно одно: события будут развиваться быстро, их подстегивает политическая радикализация, в том числе националистическая. Как заметил недавно Генри Киссинджер, «уходит атлантическое поколение» — те люди, которые строили единую Европу вместе с американцами. Маятник уже движется в обратную сторону.

Теперь Китай. Там — впервые за последние 30 лет — происходят серьезные перемены. До того страна долго копила силы и не высовывалась. Но Си Цзиньпин поставил перед собой и Китаем весьма амбициозные задачи. Представьте: вы родились, скажем, в 1990 г., вы всю свою жизнь видели только усиление экономического могущества Китая. У вас уже сформировано представление, что страны сильнее нет, что Китаю любое море по колено. Именно это настроение сейчас там доминирует, и китайское руководство не может его игнорировать. А как с таким самоощущением садиться за стол переговоров? Как на новый Китай отреагирует остальная Азия — очень серьезный вопрос! Исторически внешняя политика этой страны очень оппортунистична. Они всегда сидели на холме и смотрели, как в долине дерутся тигры. Но что будет, если Китай спустится с холма? Если он откажется от идеи, что всех можно не победить, а просто пережить?

Россия и Китай считаются сейчас друзьями. Но любой человек, действительно ведущий дела с Китаем, знает, какие вещи происходят во время переговоров: то с нас пытаются содрать три шкуры, то просто закрывают дверь перед носом... Обеим странам нужно осознать, что мы друг другу нужны, что мы стоим спина к спине. Тогда не будет такой силы, которая смогла бы нам угрожать. Однако, как и в любом бизнесе, выстраивать партнерские отношения труднее всего. А с Китаем — трудно вдвойне. Но альтернативы сегодня нет, на это вся надежда.

Как в целом будут выглядеть правила мировой игры в ближайшие 10—15 лет? Их почти не будет. Вместо «атлантического порядка» установится нечто вроде «мира саванны». Представьте: в саванне живет лев, он вроде как царь зверей, беспрепятственно ест мелких антилоп и всяких прочих. Но здесь же живет слон, который идет к своему пастбищу прямо через лагерь льва, просто не замечая его. А с другой стороны — носорог, которого тоже так просто не заваляешь. А с третьей — стадо буйволов... Вот такой нас ждет мир: никто не станет объединяться, чтобы сместить льва, все будут просто заниматься своими делами, своим бизнесом. Лев же будет питаться небольшими животными и наводить порядок там, где может, — но далеко не везде. А ведь над всем этим еще и летят «черные лебеди», в терминологии Нассима Талеба, — непредсказуемые, катастрофические события. Например, все чаще обнаруживаются заболевания, которые не лечатся никакими известными методами. Вспомним, что от чумы когда-то погибла практически треть населения Европы. Есть ли гарантия, что нечто подобное не повторится? Нет.

Поэтому перед Россией встает вопрос: что в этом новом, опасном, оппортунистическом мире станет ее преимуществом? В нем уже не будут важны ни история, ни идеология... На что нам опираться?

Я думаю, что есть пять ключевых мотиваторов развития.

1. *Финансовые средства*, то есть попросту деньги. Тогда давайте смотреть, куда они охотнее текут — в Россию или из нее? В российские регионы или из них?
2. *Таланты*. Тот же вопрос: куда они движутся? А без денег и талантов развитие невозможно.
3. *Связи*. Инфраструктура, налаженные межрегиональные и межстрановые контакты, работающие альянсы... Как у нас с этим?
4. *Стабильность*. Внешнюю мы можем обеспечить с помощью вооруженных сил. Однако внутренняя стабильность достигается труднее. Так ли она прочна?
5. *Среда*. В это понятие входят и характер взаимодействия между гражданами и властью, и экология, и сфера услуг. Речь идет о таких комфортных условиях, в которых человеку хочется инвестировать в будущее, развивать бизнес, растить детей, да просто жить, в конце концов. У нас есть такие условия?

Давайте взглянем на наши проблемы еще пристальнее. Россия — тяжелая страна. За рубежом, кстати, многие удивляются, как это ей до сих пор удается выжить. Она зажата между двумя растущими силами, двумя «слонами» — Китаем и Европой. Нашей собственной критической массы элементарно не хватает даже на то, чтобы быть не «слоном», а хотя бы приличным «носорогом». 146 млн. человек — это примерно 1/10 Китая или 1/5 Евросоюза. И при этом мы слишком своеобразны для того, чтобы от кого-то зависеть! Ни в сферу влияния Китая, ни в Евросоюз мы никогда не войдем, мы обречены остаться собой. К тому же у нас нет собственного развитого рынка. Все стремятся на рынок США, потому что там можно продать все, что произведено, рынок проглотит! Мы с этим рынком конкурировать не можем. Преимущества России связаны в основном с природными ресурсами, но сегодня их сбыт крайне неустойчив.

В ситуации глобального сдвига парадигм религии и народы усиленно ищут себя, обновляют свою идентичность. Ислам — самый яркий пример такого поиска, но далеко не единственный. Посмотрите хотя бы на католическую активность в Африке. А Россия — страна мультиэтническая и мультиконфессиональная. Может ли в целом позитивная история сосуществования религий и народов России быть сама по себе достаточной гарантией стабильности? Боюсь, что нет. Кроме того, в масштабе истории нашего государства современному политическому строю всего 20—25 лет: он еще не сложился, не перешел рубеж, после которого не возникает вопросов, должно ли быть так или как-то по-другому. Одним словом, Россия сейчас находится в очень уязвимом положении, выйти из которого можно только своим собственным трудом, собственными идеями.

«Природа — мачеха российской истории», как сказал Сергей Соловьев. Для таких пространств наше население катастрофически мало — если бы его можно было хотя бы удвоить! У нас хрупкая экономика, у нас присутствует напряженность на многих границах. 300 лет наша страна являлась самой сильной в регионе: соседи на юге были слабы, Европа отдалена, Китай дремал. Сейчас же на нашей периферии возникли страны с серьезными амбициями: Турция с ее 80 млн. населения компактна и мотивирована; в Иране с его 80 млн. населения экономика растет на 5% в год. Индия — отдельный вопрос. О Китае я уже сказал выше. Скоро начнет подниматься и вооружаться Япония...

По характеру власти российская цивилизация скорее восточная, чем западная: здесь верят людям, а не правилам. Давайте посмотрим, как ведут себя большие восточные страны, сумевшие войти в режим развития и пытающиеся выстроить стабильный политический процесс. Основное правило Китая — не торопить изменения: предыдущее поколение должно внимательно следить со стороны за последующим, не уходить от власти слишком далеко. Си Цзиньпин от этой парадигмы начал отступать; что ж, посмотрим, что с ним произойдет. В Сингапуре Ли Куан Ю, закончивший активную карьеру, опять же далеко не ушел, а остался в роли ментора, гаранта стабильности. Таким образом, успешные восточные страны выстраивают трехуровневую систему из премьер-министра, президента... и ментора. Обратный пример — Индонезия, где каждая перемена власти вызывает передел ресурсов, нестабильность и попытки задать заново все ранее снятые вопросы. Именно потому, что правила не писаны, а людей, которым можно было бы верить, нет! Так может быть и у нас.

Как вы думаете, какие из пяти перечисленных факторов-мотиваторов наличествуют в России в достаточном объеме?

Реплика из зала

В Тюмени — все!
(Смех в зале)

А.О.Безруков

Отлично, рад за вас! Но давайте посмотрим на карту. Тюмень находится в самом центре России, а Россия — в центре большой Евразии. Рынок Евразии — 4,5 млрд. человек, и он растет на 4–5% в год. России надо в него встраиваться. Канады, например, не было бы без рынка США: в 300 км севернее канадско-американской границы уже начинается тундра, туда идти нельзя и незачем. Канада обращена на юг. Это хороший пример для нас.

России тоже надо идти на юг, на рынок большой Евразии, Многие наши интересы совпадают и взаимно дополняют друг друга. Здесь нам есть что продавать, причем не высокие технологии, а то, что имеем уже сейчас: Евразии не хватает доступных энергоносителей, человеческого потенциала. Чтобы встроиться в эту систему, нужна прежде

всего инфраструктура, которую можно протянуть через «белые пятна» Афганистана, Средней Азии, через Пакистан, Синьцзян — с севера на юг и с запада на восток. Тогда перед нами откроется вход в Индию, Индокитай, Сиам... Но пока в регионе идут войны, он для нас заблокирован. Американцы, кстати, держат свой военный контингент в Центральной Азии в том числе с этими целями. России же надо достраивать ШОС, получать свою долю контроля над «Шелковым путем». И у нее для этого есть потенциал. Однако в любом случае надо научиться договариваться — с Индией, Китаем, Пакистаном, Ираном, Турцией. Тогда на гигантском континенте установится спокойствие, и будет достигнут стабильный рост экономики (а значит, и рабочих мест) на 4—5% в год.

Из описанных альтернатив можно составить два сценария: более позитивный и менее позитивный. Первый — восстановление экономического роста, достижение взаимопонимания с США... Ситуация на Украине успокоится, Евросоюз снимет санкции и восстановит с нами контакты, ШОС будет работать, войны в Азии останутся. Такое будущее — лучший из всех возможных вариантов. В первую очередь потому, что в нем нет войны. Худший вариант — продолжение экономического спада, конфликт со Штатами, летящими «на автопилоте»... Украина остается нестабильной; к ней добавляется Кавказ; Индия и Китай начинают жестко выяснять отношения и запускают гонку вооружений; БРИКС и ШОС парализованы; вооруженный передел на Ближнем Востоке продолжается. Тогда у России не останется другого варианта, кроме мобилизационного режима и мобилизационной экономики. К какому варианту мы ближе?

С.И.Каспэ

Ко второму.

А.О.Безруков

Да, к сожалению. Картина вырисовывается нерадостная.

Нас втягивают в гибридную войну, которую я бы назвал скорее многомерной, так точнее. Глобализация изменила характер всех мировых взаимодействий, в том числе конфликтных. Теперь страны зависят не столько от денег, имеющихся «внутри», сколько от денег, находящихся «вовне». Боевые действия сегодня ведутся всеми доступными средствами (кроме ядерного оружия). Прямо завоевывать, оккупировать противника уже не имеет смысла; его можно просто заставить изменить курс, сделать «союзником поневоле». Главный способ дестабилизации врага во время многомерной войны — его подрыв изнутри. Воюют не столько армии, сколько СМИ, банки, частные лица, блоггеры и т.п. Линии фронтов проходят по мировоззрениям; современная война идет за людей и за их мнения, что хорошо видно на примере Украины.

В нашей культуре — и собственно военной, и общегосударственной — нет привычки к ведению многомерной войны. Россия должна

переоценить свою обороноспособность, переписать ее в иных терминах. Нужно думать не столько о том, как много у нас подводных лодок, сколько о том, каков, например, объем семенного фонда для сельского хозяйства и в чьих руках он преимущественно находится (подсказка — преимущественно в руках корпорации Monsanto). Чтобы выстроить новую систему самообороны, учитывающую одновременно состояние СМИ, подводного флота и семенного фонда, обойтись одним Министерством обороны не получится. Возможно, нужно что-то похожее на Ставку Верховного главнокомандования, которая занималась вообще всем и отвечала вообще за все. Военные должны научиться мыслить как гражданские, и наоборот — руководители банков должны понять, что в их деятельности тоже есть военный компонент.

Прежде чем действовать в современном мире, нужно научиться думать по-другому. В новом мире играть следует на упреждение: смотреть вперед и выстраивать долгосрочные стратегии, хотя бы на несколько лет. И надо понимать, что Россия уже не способна сделать все собственными силами. Нам нужно научиться создавать альянсы. А тут дело обстоит довольно плохо — что с белорусами, что с казаками, что с украинцами... Нам нужно понять, чем конкретно мы можем заинтересовать другие государства, чем именно для них будет привлекателен общий рынок.

Прежде всего — нельзя допустить никакого этнического и/или религиозного раскола в стране. Далее — надо четко определиться с коренным национальным интересом и не отвлекаться на побочные сюжеты. Действовать, отталкиваясь от позитива, четко формулировать свою программу, перестать играть в «Мистера Нет». Не только обороняться, но и наступать, строить мосты к соседям и партнерам. Думать о будущем, а не о прошлом. Когда я вернулся в Россию, то больше всего удивился, что в стране с таким количеством вполне современных проблем СМИ продолжают выяснять, был ли Сталин хорош или плох. Прошлое волнует всех, это понятно. Но нужно примириться с тем, что его не изменишь, и заняться будущим. Из моих тюменских предков половина погибла на разных фронтах империалистической и гражданской войны, другая половина была репрессирована. Но моя семья все это пережила именно потому, что болезненная фиксация на прошлом не пустила бы нас в будущее. Элиты, да и народы, могут договориться только о будущем, но не о прошлом. Давайте думать о будущем.

**Свободный
микрофон**

Представитель партии «Великое Отечество» Н.Никитин:

Прежде всего хочу Вас поблагодарить за все, сделанное для страны и для каждого из нас, ее граждан. В недавнем интервью Сергею Брилеву в передаче «Вести в субботу» Вы говорили о том, что сегодня Центробанк не подчиняется вообще никому, но управляет всей финансовой «погодой» в стране. Не стоит ли изменить эту ситуацию? И как ее можно изменить?

Аспирант Тюменского государственного нефтегазового университета Д.Павлов: Как ваш тезис о том, что в современном мире идеология уже не работает, не является мотивирующим фактором, соотносится с усилением и расширением такой организации, как запрещенное в России «Исламское государство»? Ведь ее сила именно в идеологии.

Сотрудник информационного агентства «Тюмень PRO» В.Нестерук: Есть устоявшееся мнение, что будущее — это дети, молодежь. Как нужно реформировать нашу систему образования, чтобы не повторить ошибок — ни собственных, ни европейских?

Аспирант Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий Д.Латыпова: Как лектор мог бы сравнить — по степени опасности для России — угрозы со стороны Америки и со стороны Китая? Учитывая известную «Голубую книгу», учитывая новый китайский геополитический стиль?

Депутат Тюменской городской думы М.Тулебаев: Было сказано, что в развивающихся странах — например, в Индии, Индонезии — растущие претензии среднего класса могут перерасти в социальный взрыв. В нашей стране такое возможно?

Руководитель экспертной группы Агентства стратегических инициатив, депутат Тюменской областной думы О.Л.Чемезов: Возможно ли в условиях современной России воспользоваться американским опытом? Прежде всего я имею в виду тот колоссальный объем полномочий, которым наделены американские губернаторы штатов в области взаимодействия с бизнесом.

Представитель организации «Трезвая Тюмень» Ю.Куценко: Мне кажется, что в числе современных опасностей для России есть еще одна, и она серьезнее многих других, названных лектором. Страна теряет 48 трлн. рублей и 700 тыс. россиян в год в прямой или косвенной связи с массовой алкогольной зависимостью. Что из знакомого Вам опыта других стран можно было бы применить в России?

Депутат Тюменской городской думы А.А.Чирков: Из лекции А.О.Безрукова очевидно, что нашим конкурентам невыгодно, чтобы Россия создавала единое Евразийское экономическое пространство. Да и ей самой в современной ситуации трудно идти на Юг. Возможно, в таких условиях надо стремиться работать прежде всего внутри страны, на региональном уровне?

Заместитель управляющего директора завода «ГМС Нефтемаш» О.П.Царегородцев: Хотел бы узнать мнение лектора о ходе

борьбы с коррупцией в стране и о ее результатах. Даже в Тюменской области есть антикоррупционная хартия, однако на Западе по-прежнему считают российские усилия недостаточными.

Студент Тюменского государственного нефтегазового университета Р.Распопов: В ряде вузов России, в числе которых и Тюменский государственный университет, сейчас реализуется проект «5-100», предполагающий повышение их международной конкурентоспособности. Среди прочего он предполагает увеличение доли зарубежных публикаций преподавателей, возможность включать в штат и в процесс управления вузами иностранцев. Не может ли это создать угрозу национальной безопасности страны?

Предприниматель А.Коротченко: Представители бизнеса, насколько я могу судить по своим знакомым, сегодня много работают, и для этого у них есть достаточное количество площадок и путей развития. Но А.О.Безруков говорил в докладе, что в ряде стран темпы роста все равно больше. Что мы делаем не так, что можно улучшить?

С.И.Каспэ: Ну и напоследок мой собственный вопрос, который кажется мне, возможно, наиболее важным. Вы в самом начале упомянули о своем югославском наблюдении — о том, что война сначала появляется в глазах людей, а уже потом начинается по-настоящему. В чьих глазах Вы видите войну сегодня?

А.О.Безруков

Давайте только учитывать, что лишь на некоторые из заданных вопросов я могу отвечать как профессионал или хотя бы как человек, соприкасавшийся с профессионалами. В других вопросах я дилетант; я могу высказать только субъективное мнение, которое ни в коем случае нельзя воспринимать как обдуманную в течение всей жизни позицию, как истину в последней инстанции.

В случае с Центробанком есть несколько важных моментов. Краеугольным камнем всей системы наших внутренних и внешних взаимодействий, существующей с начала 1990-х годов, является тот факт, что Советский Союз проиграл холодную войну. Его правопреемница, Россия, вошла в уже отстроенную к тому времени европейскую экономическую модель, но, естественно, как слабый игрок. Ей сказали: «Хочешь выжить — делай так!». То есть новое положение вещей оказалось навязанным, а не установившимся в результате переговоров. Причем оно возникло на руинах страны, прошлое которой стало объектом ненависти и отрицания. Это, конечно, не нормальное историческое развитие.

В этой парадигме возник не только Центробанк, но и многое другое. Тогда он был адекватен сложившейся на тот момент расстановке сил. Его нынешний статус и актуальная политика есть плод накоплен-

ной за 20 лет инерции — а мир-то изменился, и темп перемен продолжает нарастать. Но давайте учитывать, что инерционность — одно из основных свойств социальных институтов, и это полезное свойство. Прежде чем их менять, надо быть абсолютно уверенным, что новое будет работать лучше и эффективнее старого. Что может дать такую уверенность? Есть важнейший врачебный принцип: «не навреди». И тут главное — не навредить. Пока не возникнет четкого, обоснованного представления о том, как сделать лучше, нынешние институты должны и будут существовать.

Здесь, кстати, и встает вопрос образования. Оно формирует людей, которые затем, в свою очередь, формируют политику. И от того, что вложено им в голову изначально, теми, кто тогда считался первоклассными профессорами и действительно ими был, очень трудно избавиться. Ряд наших вузов продолжает и сейчас транслировать концепцию экономического развития, сложившуюся 20 лет назад и основанную на приоритетах того периода. Но сейчас я не вижу тех людей, которые могли бы переформулировать актуальные вопросы и по-новому на них ответить. Впрочем, худший сценарий эти вопросы перед нами все равно поставит — быстро и жестко.

Да, я говорил, что межгосударственные альянсы теперь не будут строиться на идеологии. Их базой станет почти исключительно оппортунистическая выгода, как экономическая, так и военная. Но я не подразумевал и не мог подразумевать, что идеология вообще перестанет быть актуальной, поскольку многомерная война в основе своей есть война именно идеологическая. Понять, кто мы такие, найти объединяющий наши религии и культуры стержень — это именно идеологическая задача.

Феномен «Исламского государства». Возьмем, к примеру, такую относительно благополучную страну по соседству с Сирией, как Иордания. В ней есть весьма немногочисленная элита, очень вестернизированная, как правило, с западными женами (это модно). Есть народ, от элиты отделенный множеством социальных барьеров и шанса на вхождение в нее не имеющий. Экономического развития почти нет, рождаемость высокая, семьи большие... в общем, будущего не видно. И тут к народу обращаются люди, которые говорят: «Верхушка разлагается, кругом несправедливость, давайте вернемся к учению пророка, к настоящему, чистому исламу! Тогда жили честно!». Их, естественно, слушают. А если кто-то не готов согласиться, то свою правоту проповедники могут доказать еще и силой оружия. Если современный мир не сможет предложить таким людям никакой перспективы прогресса, мы их просто потеряем — одного за другим, но в конечном счете потеряем миллионами. Они просто найдут другое решение своих жизненных проблем — и с работой, и с семьей, и с религией.

Снова вернусь к теме образования, расскажу немного о собственном опыте — и об опыте своих детей. Советская система меня, к счастью, подготовила к жизни, не «забив», не завалив тупой работой, от

которой пропадает всякое желание учиться. Хотя могла! Потому что советская система — она в принципе и по происхождению своему европейская. Сейчас во Франции, Германии, Италии почти точно такие же образовательные модели. Учитель говорит, ученики в основном слушают; очень много домашних заданий; обязателен широкий профиль дисциплин, чтобы выпускник школы знал «все обо всем» (об истории, экономике, о точных науках...). В восточных странах диалога в образовании еще меньше. Мнением ученика вообще не интересуются, он должен долго доказывать, что имеет право раскрыть рот.

Американская система образования в корне другая: она призвана прежде всего воспитать в ученике ответственного гражданина. В младших классах, например, ученики сидят не рядами, а кругом — чтобы не было разделения на учителя и подчиненных. Отстаивать свое мнение, каким бы оно ни было, уметь говорить и отвечать за свои слова — вот чему там учат. Каждый человек представляет собой ценность. Поэтому у ученика формируется высокая самооценка, он становится гражданином независимо от того, какой контент усвоил. До конца средней школы у ребенка могут быть плохие результаты, но его все равно не «добивают» домашними заданиями. Это французский ребенок, как в одной знакомой мне парижской семье, может каждый день корпеть над тетрадями до полуночи, в Америке это немыслимо.

В США, если ты не хочешь учить математику, то и без нее станешь, например, хорошим водителем. А если она тебя интересует — пойдешь сначала на школьный поток с сильными учителями, а уж потом, в университете, тебя научат всему остальному. Поэтому американская школа выпускает детей с огромными пробелами в знаниях, но зато с прочной уверенностью в себе и в своем праве на собственное мнение.

Одновременно колоссальная бюрократизация системы образования вместе с увлечением разнообразными технологиями привела к массированному распространению разного рода тестирований школьников и студентов, прежде всего на уровне штатов. Вообще, тут нет ничего заведомо плохого — подобных практик явно не хватало в Советском Союзе, в котором была большая доля «дутых» оценок. Но у заимствований чужого опыта должны быть разумные пределы. Мы — может быть, непроизвольно, может быть, сознательно (по принципу «если мы такие умные, то почему такие бедные?») — с заимствованиями палку перегнули и получили нежизнеспособный гибрид принципиально разных моделей, европейской и американской. Думаю, со временем мы найдем нужный баланс.

Что я могу сказать о китайской угрозе? Я уже отметил, что мы объективно нужны друг другу. Конечно, рядом со «слоном» трудно жить: даже во сне, неудачно повернувшись, он может раздавить соседа. Но я не думаю, что у китайцев есть желание что-то у нас забрать силой — все, что им нужно, они могут просто купить, причем мы им с удовольствием продадим. Угрозы как таковой я не вижу. Однако большая протяжен-

ность общей границы и соотношение численности населения не в нашу пользу, естественно, требуют от нас особой осторожности.

Средний класс в России был и есть — именно поэтому мы не какая-то африканская развивающаяся страна. Да, в свое время учителей, военных, ученых просто заморили отсутствием денег. Но российский средний класс выжил и доказал свою способность к самовоспроизводству — иначе, например, у нас не считалось бы такой уж ценностью высшее образование. И нынешние студенты, и более старшее поколение 30—35-летних смотрят на жизнь незашоренным взглядом, думают, умеют выстраивать бизнесы, никого не боясь. Это скорее мое поколение нередко боялось сделать шаг, наступить на что-то опасное... Так что наш средний класс внушает не столько опасения, сколько надежду.

К сожалению, я не специалист в том, как выстраивать системы регионального развития, я разбираюсь только в методологиях планирования будущего, которые могут и должны быть элементами таких систем. Но советую обратить внимание на Францию. Там уже очень давно существует и великолепно работает министерство развития территорий (его время от времени переименовывают, но смысл его деятельности от этого не меняется). И каждый регион в каждый момент хорошо представляет себе, в чем заключается его стратегическая программа, какова последовательность шагов, в чем его собственные плюсы и минусы, как и откуда можно привлечь деньги... В общем, если хотите понять, как это делается, пригласите французов — они все наладят и покажут.

Алкоголизм — действительно источник многих бед, но эту проблему на национальном уровне невозможно решить с помощью запретов. Тем более что в нашей стране их всегда умели обходить. Вопрос в другом: почему люди злоупотребляют алкоголем, почему он становится частью их образа жизни? Я думаю, потому, что человеку некуда девать свое время и себя самого. Тут опять же нужно правильное понимание будущего, человек должен видеть достижимые цели. В 1990-е годы смертность в стране так подскочила прежде всего потому, что люди перестали понимать, что им делать, надломались, лишившись и образа своего будущего, и образа будущего страны. Если этот образ появится, то проблема пьянства станет намного менее актуальной.

О реальном уровне российской коррупции с уверенностью судить не могу: я с ней, в силу биографических обстоятельств, сталкивался гораздо меньше, чем с американской. В США она тоже есть, и еще какая, хотя и работает по-другому. В России вы на любом уровне можете заключить с контрагентом негласный договор, на основе которого станете обмениваться различными монетарными и немонетарными услугами. В Америке коррупция сосредоточена на верхушечном уровне и практически узаконена — руководители компании могут установить сами себе любую зарплату, выплатить себе любые бонусы, причем независимо от результатов деятельности. То есть они просто делят деньги между

собой, одновременно следя за тем, чтобы на нижних этажах никто не воровал. А в американском правительстве коррупция вообще узаконена, только называется по-другому — лоббизм. Купить кого-то просто так, конечно, нельзя. Но можно через знакомых организовать человеку консалтинговый контракт или членство в гольф-клубе. Можно просто нанять лоббистов, которые уже сами вполне официально занесут деньги кому надо. Но главное, что все делается по-джентльменски, потому что эта система выстраивалась 250 лет! Наша система тоже когда-нибудь обрстет правилами и традициями, которые не позволят воровать внаглую. Но это будет долгий, тяжелый процесс. Он и в Америке таким был.

Ну и действительно самое главное — войны в глазах людей я, к счастью, не вижу.

(Аплодисменты)

В.В.Якушев

На сегодняшних Чтениях я впервые поймал себя на мысли, что могу согласиться вообще со всеми тезисами лектора. Между прочим, на последнем, итоговом слайде презентации дан ряд рекомендаций — и тут очень много содержательных пересечений с теми проблемами, которые мы регулярно обсуждаем с коллегами. Возможно, нас к этому побуждает особое геополитическое положение Тюменского региона — и на карте страны, и на карте мира. Полезно убедиться, что мы думаем в верном направлении.

Для меня как руководителя самое главное то, что сегодня мы должны научиться разговаривать со всеми — конечно, находя для каждого собеседника свой язык и свои аргументы. А также то, что все наши современные проблемы упираются в человеческий ресурс, человеческий потенциал. Именно поэтому сегодня прозвучало так много вопросов об образовании, о процессе его реформирования. Очень отчетливо была проговорена связь образования с той моделью гражданственности, которую государство хочет в итоге получить.

Советская (она же европейская) школа была призвана дать ученикам некие фундаментальные знания — это один подход. Американская школа нацелена прежде всего на то, чтобы сформировать гражданина, — это другой подход. Оба хороши — объединяет их четко осознание стоящих задач. Мы же, когда стали отходить от прежней, советской модели, просто перестали понимать, какую задачу перед собой ставим, занялись механическим, неразборчивым заимствованием несочетаемых элементов других систем. Вот когда мы сможем четко понять, кого хотим получить в первую очередь — свободного гражданина или классного специалиста, обладающего потенциалом развития, тогда на все более частные вопросы найдутся ответы. У обоих вариантов есть свои преимущества, но выбирать между ними придется. А пока не выберем, Россия так и будет экспортировать «мозги». Слишком много талантливых, уникальных людей не остается здесь, чтобы работать во имя совмест-

ного будущего. Значит, мы не смогли сформировать привлекательный для них образ будущего. Вот национальная задача номер один. И региональная — тоже.

И еще одно. Действительно, как блестяще сформулировал лектор на финальном слайде, один из главных сегодняшних приоритетов — «четко определить национальные интересы и не поддаваться на провокации». Наверное, большинство сидящих в зале (кроме молодежи, растущей уже в другой стране) помнят работу Ленина об опасности великорусского шовинизма. Эта опасность жива до сих пор. Дескать, мы русские, мы великие, мы большие, мы главные, мы всех шапками закидаем! Мы привыкли так рассуждать — и действовать соответственно. Однако национальные интересы требуют отказа от шовинистической ментальности. Нужно научиться уходить от необоснованных амбиций, действовать трезво и прагматично. Тогда нас никто и не сможет спровоцировать. Тогда мы сможем осуществить два других ключевых принципа — «игру от позитива» и «игру в команде». Они как никогда актуальны и для страны, и для региона, и для муниципалитета, и для каждого конкретного человека — без исключений.